

А.Е. Пресняков

Люди Смутного времени

**Москва
«Книга по Требованию»**

А11 **А.Е. Пресняков**
Люди Смутного времени / А.Е. Пресняков – М.: Книга по Требованию, 2024. – 74 с.

ISBN 978-5-458-31313-1

Под Смутным временем историки подразумевают события почти трёх десятилетий, со смерти в 1584 году царя Ивана Грозного и до 1613 года, когда на русском престоле воцарился первый государь из династии Романовых - Михаил Фёдорович. Смутное время было эпохой глубочайшего кризиса Московского государства, вызванного пресечением царской династии Рюриковичей. Династический кризис вскоре перерос в национально-государственный, который сопровождался народными выступлениями и мятежами, правлениями самозванцев, польской и шведской интервенциями, разорением страны. Многим современникам Смуты казалось, что московскому царству пришёл конец. Власть в Москве узурпировала «семибоярщина» во главе с князем Фёдором Мстиславским, пустившая в Кремль польские войска с намерением посадить на русский престол католического королевича Владислава. В это тяжелое для России время патриарх Гермоген призвал русский народ встать на защиту православия и изгнать польских захватчиков из Москвы. Его призыв был подхвачен русскими людьми. Началось широкое патриотическое движение за освобождение столицы от поляков. На смену потерпевшему поражение первому народному ополчению во главе с Ляпуновым, Трубецким и Заруцким пришло второе - во главе с Мининым и Пожарским. В августе 1612 года оно подошло к Москве и к концу октября её освободило. В память об этом событии указом царя Алексея Михайловича в 1649 году в России был учреждён государственный праздник Казанской иконы Божьей Матери, который отмечался 22 октября (4 ноября по григорианскому календарю) вплоть до 1917 года. День народного единства, отмечаемый с 2005 года, продолжает традиции именно этого праздника. Небольшая книга представляет собой иллюстрированный сборник очерков об основных исторических персонах эпохи Смуты - Борисе Годунове, Лжедмитрии I, Василии Шуйском, Михаиле Скопине-Шуйском, Станиславе Жолкевском, патриархе Гермогене, Прокопии Ляпунове, Аврааме Палицыне, Савве Ефимьеве, Козьме Минине, Дмитрии Пожарском, патриархе Филарете Никитиче. Примечательно, что достоверных портретов главных героев - Минина и Пожарского - не существует, наиболее ранние изображения этих лиц появляются лишь в произведениях художников начала XIX века.

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

СМУТНОЕ ВРЕМЯ.

А. Е. Лѣвская.

Въ два столѣтїя—XIV-е и XV-е—незначительное Московское удѣльное княжество выросло въ обширное Московское государство, объединившее всю Великороссїю. Въ XVI в. ближнїе и дальнїе сосѣди увидали въ Московїи сильное и обширное государство, побѣдоносно справившееся съ поволжскими татарскими царствами, переклюнувшее свою власть въ Сибирь, опаснаго врага и желаннаго союзника для западныхъ сосѣдей. Въ международныхъ отношенїяхъ политическіе дѣятели Западной Европы стали считаться съ новой силой, имѣвшей неизбѣжное значенїе какъ въ борьбѣ сѣверныхъ державъ за господство на Балтїйскомъ морѣ, такъ и въ народившемся Восточномъ вопросѣ, борьбѣ христіанскихъ государствъ съ европейскимъ могуществомъ Турціи.

Но вышнее политическое значенїе казавшагося такимъ сильнымъ молодого государства было куплено дорогой цѣной немовѣрнаго напряженїя народныхъ силъ въ борьбѣ за свою самостоятельность противъ напавшихъ со всѣхъ сторонъ сосѣдей, и напряженїе это нарушило внутреннюю крѣпость и равновѣсіе народныхъ силъ и средствъ. Въ XVII-й вѣкъ Московское государство переходитъ въ состоянїи глубокой внутренней Смуты. Дальнѣйшая исторїя показала, что эта Смута—только кризисъ, пережитый богатыми жизненными силами народнымъ организмомъ. Но кризисъ настолько болѣзненный и тяжелый, что заслужилъ отъ современниковъ названїе «великой разрухи».

Причины Смуты коренились глубоко въ самомъ строѣ Московскаго государства XVI вѣка. Въ ихъ основѣ лежало противорѣчіе между цѣлями, которыя должно было преслѣдовать правительственно, и средствами, какими оно располагало. Въ странѣ, слабо развитой въ экономическомъ отношенїи и сравнительно очень рѣдко населенной, создать достаточную крѣпость государственной самообороны, при сложныхъ международныхъ отношенїяхъ, было возможно только съ большимъ трудомъ, и при томъ сосредоточивая въ распоряженїи правительства всѣ средства и силы народныя. Оно и борется въ XVI в. за установленїе безусловной власти, сокрушая всѣ исторически сложившіяся частныя и мѣстные авторитеты, какими отчасти оставались въ своихъ вотчинахъ потомки удѣльныхъ князей, бояре-князата. Привилегїи, какими пользовалась эта древне-русская родовая аристократїя, претендовавшая, по мѣстннческимъ обычаямъ, на первую роль въ управленїи и въ царской думѣ, а по удѣльнымъ повѣстямъ о землевладѣнїи—на подчиненїе себѣ въ дѣлѣ суда, расправы и военной службы населенїя своихъ вотчинъ, были сломлены бурей опричнины Грознаго. Уничтожая въ бо-

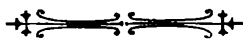
лѣхъ старое и привычное орудїе своей власти, старую и привычную опору своей военной силы, Московское правительство одновременно создаетъ взамѣнъ новую администрацію и новое войско, администрацію приказовъ и войско служилыхъ людей, дѣтей боярскихъ и дворянъ. Въ этомъ классѣ, вершину котораго составила новая придворная знать, сильная не родовитостью, а высокимъ служебнымъ положенїемъ и царскою милостью,—нѣтъ опоры царскаго правительства. Этотъ классъ опирается на стрѣмленїе обезпечить помѣстьями и крѣпостнымъ крестьянскимъ трудомъ, постепенно сводя на нѣтъ крестьянскую свободу и допуская закабаленїе крестьянъ помѣщикамъ. Но интересы помѣщиковъ часто противорѣчили интересамъ казны: дѣлалось съ служилыми людьми доходомъ съ крестьянскаго труда, она рисковала потерять источникъ своей финансовой системы при разоренїи крестьянъ поборами и при обращенїи ихъ въ холоповъ, податей не платившихъ. Къ тому же потребность колонизировать Поволжье и южныя области, на югъ отъ Оки, заставляла правительство покровительствовать переселенїямъ земледѣльцевъ на новыя «украинныя» земли, паперекоръ и выгоды служилыхъ землевладѣльцевъ и податной исправности тягала крестьянства. Переселенческое движенїе вызвало сильный отливъ населенїя изъ центральныхъ областей, что довело ихъ до тяжелаго сельско-хозяйственнаго кризиса.

Такъ, къ концу XVI в. Московское государство находилось въ періодъ перестройки своихъ политическихъ, общественныхъ и экономическихъ отношенїй, въ критическомъ состоянїи всего своего строя. Сложный историческій процессъ вызвалъ глубокое броженїе и въ сознанїи русскаго общества. Столкновенїе противоположныхъ интересовъ, до-пелось обострившееся и значительно усиленное нервно-торопливыми и кроваво-жестокими дѣйствїями Грознаго, привело къ двумъ главнымъ послѣдствїямъ: паденїю правительственнаго авторитета, когда царь Иванъ «смиле люди вся» тѣмъ, что «всю землю яко съкрою на доли разсѣче» (на опричнину и земщину), и къ сознанїю каждымъ общественнымъ классомъ своихъ особыхъ интересовъ, ярко сказавшимся въ ихъ борьбѣ послѣ паденїя династїи Гюриковичей. А это совпаденїе самаго остраго момента общаго социально-политическаго кризиса съ прекращенїемъ династїи было послѣднимъ толчкомъ къ Смутѣ. Началась она сверху, борьбою разныхъ партїй за престолъ, борьбою, которая не дала Борису Годунову укрѣпить шатающїйся порядокъ на тѣхъ же основахъ, какїя заложены были въ XVI в. Выдвинутый личными соперниками Годунова, первый Лжедмитрїй вообдѣлалъ, въ сущности, при поддержкѣ низшаго слоя населенїя, недовольнаго москов-

ской политикой, и родовитой знати, охотно изменившей опричнику-Годунову, увлекая за собою и служилых людей, въ это время еще не сплотившихся въ особую политическую партію. Реакціонная—въ историческомъ смыслѣ этого слова—партія княжеской аристократіи свергла Самозванца и захватила власть въ свои руки при Шуйскомъ. Но противъ нея поднимаются другія общественныя группы: закрѣпощаемое холопство и крестьянство, за которымъ стоитъ плоть отъ плоти его—козачество, подъ начальствомъ Ивана Болотникова, и враги бояръ, служилые люди, съ Прокопіемъ Ляпуновымъ. Разыгравшаяся социальная борьба довела государство до полного разрушенія и до вѣдательства въ судьбы Московскаго государства сосѣдей (Жолтѣвскій). Международныя осложненія ставятъ передъ этимъ государствомъ новую задачу: одновременно преодолѣть внутреннюю смуту и организовать національную самооборону. Послѣ крушнхъ, по неудавшихся попытокъ въ этомъ направленіи, связанныхъ съ именами Скопина-Шуйскаго, Гермогена, Ляпунова и отчасти Филарета, поднимаются съ большою энергіей на защиту государственной самостоятельности и внутренняго порядка средніе классы, служилые и торговые люди, по почину Саввы Ефимьева и Мнина, и подъ руководствомъ Мнина и Пожарскаго счастливо рѣшаютъ свою сложную историческую задачу.

Эта задача—возрожденія государственнаго порядка, въ конецъ разрушеннаго смутой, и защиты родины отъ осилившаго ее вѣшняго врага—была разрѣшена путемъ содержа-

тельнаго политическаго творчества. Смутное время было поворотнымъ моментомъ въ исторіи московскихъ земскихъ соборовъ. До него—подъ этимъ именемъ разумѣлись простыя совѣщанія московскаго правительства съ собственными агентами, созываемыми не по народному избранію и довѣрію, а по должностному, служебному положенію. Въ 1612 г. кн. Пожарскій созываетъ не такой «земскій совѣтъ», а общегосударственный земскій соборъ выбранныхъ населеніемъ земскихъ представителей всѣхъ сословій. Этотъ «совѣтъ всея земли» былъ признавъ не только всею страной, но и шведамъ, которые начали съ нимъ переговоры, какъ съ носителемъ верховной власти. Земскій соборъ избралъ на царство Михаила Романова и сохранилъ въ полной мѣрѣ свое значеніе, въ теченіе ближайшихъ лѣтъ, когда всѣ дѣла рѣшались царскими указомъ по всей земли приговору. Но по возвращеніи Филарета изъ польскаго плѣна положеніе собора начинаетъ измѣняться. Полигика патріарха, правившаго государствомъ отъ имени сына, кладетъ прочное основаніе возстановленію порядковъ приказнаго управленія и основаннаго на закрѣпощеніи всѣхъ сословій общественнаго строя. Торжество этихъ порядковъ и этого строя при царѣ Алексѣ Михайловичѣ естественно сопровождалось исчезновеніемъ земскихъ соборовъ, когда они попытались вступить въ борьбу съ возродившейся въ новой силѣ приказной, бюрократической средой, ставшей «средоствніемъ» между властью и обществомъ, и «инстинктивно—по выраженію проф. Платонова—потянулись къ тому, что называется законодательной инициативой».

Борисъ Θεодоровичъ Годуновъ.

Изъ „Очерковъ исторіи Смуты“ проф. С. Θ. ПЛАТОНОВА.

Въ началѣ великой исторической эпохи Смутнаго времени во главѣ правленія Московскимъ государствомъ стоялъ Борисъ Θεодоровичъ Годуновъ. Родился онъ около 1551 г. и принадлежалъ къ роду, который происходилъ отъ татарскаго мурзы Чета, выхвачшаго изъ орды на службу къ Іоанну Даниловичу Калитѣ (1330 г.). Родъ Годуновыхъ сравнительно высоко стоялъ по мѣстническимъ боярскимъ счѣтамъ. Самъ Борисъ началъ службу при особѣ царя Іоанна Грознаго: въ 1510 г. состоялъ при царскомъ саадакѣ (дукъ и колчанъ со стрѣламъ). Женитба на дочери царскаго любимца, Григорія Лукьяновича Малюты-Скуратова, Маріи, должна была укрѣпить его придворное положеніе тѣмъ болѣе, что и служилъ онъ въ опричницѣ. Въ 1580 г. царь Іоаннъ выбралъ сестру Бориса, Ирину, въ невѣсты сыну своему, царевичу Θεодору, а Борису было тогда сказано боярство. Но ни при жизни царя Іоанна, ни въ первое время послѣ его кончины, Годуновъ не игралъ видной роли, отступая на второй планъ передъ Никитой Романовичемъ Юрьевымъ (Захаринимъ). Въ первые мѣсяцы по смерти Грознаго (18 марта 1584 г.) Н. Р. Юрьевъ и былъ настоящимъ руководителемъ царя Θεодора и всего государственнаго правленія.

Но уже въ августѣ 1584 года болѣзнь лишила Никиту Романовича силъ, а въ апрѣлѣ 1585 года свела его въ могилу. Передъ смертью онъ вѣрилъ Борису попеченіе о своей семьѣ и взялъ съ него клятву на вѣрность «защѣтательному союзу дружбы» съ молодыми Романовыми; Борисъ сталъ во главѣ боярскаго круга, имѣвшаго главное вліяніе въ царскомъ дворцѣ, и, поддержанный этимъ кругомъ, осилилъ всѣхъ соперниковъ. Сперва пострадали Головины, потомъ испытала царскую опалу старѣйшій изъ бояръ Н. Θ. Мстиславскій. Одни Шуйскіе продолжали противиться Годунову—и въ 1587 г. боярская ссора была вынесена изъ дворца: въ Москвѣ произошло уличное движеніе, направленное противъ господства Годуновыхъ. Это было очень крупное дѣло, захватившее всѣ слои московскаго населенія, отъ митрополита Діонисія и знатныхъ бояръ до простыхъ служилыхъ людей и торговаго посадскаго люда. Царю били челомъ, чтобы онъ всю землю своей царской державы пожаловалъ: принялъ бы, радъ царскаго чадородія, второй бракъ, а царичу чернаго брака, Ирину Θεодоровну, отпустилъ бы въ иноческій чинъ. Движеніе это не удалось и повлекло за собой большой розыскъ: главными виновниками были признаны Шуйскіе. Ихъ вѣстѣ съ сообщниками разослали въ ссылку, а имущество конфисковали. Къ лѣту 1587 г. Годуновъ сталъ силь-

Царь великий сая

Корн феодоропичъ
Іхѣа рсѣи .

глубочайшим человеком во дворце и государстве. Он титуловался «начальным боярином и советником царского величества», и потому развил этот титул в нынешнюю официальную формулу: «царский шурин и правитель, слуга и конюший боярин, дворцовый воевода, и содержатель великих государств, царства Казанского и Астраханского», причем послы объяснили иностранцам, что великия государства, Астрахань и царство Казанское, действительно даны в обдержанье царского величества шурину, и что он стоит выше всех царей и цариц, и королевичей и государских детей, которые великому государю служатъ.

Выражая титулом и словесными объяснениями мысль о том, что Борис стоит вне обычного порядка московских служебных отношений и руководит им сверху, как правитель, московское правительство, руководимое Борисом, позаботилось выразить ту же мысль и делом. В 1588—89 гг. Борис побуждал царя постановить с боярами рядъ приговоровъ, для него чрезвычайно важныхъ: ему предоставлено было равно участвовать в сношенияхъ с иностранными дворами в качестве высшего правительственного лица, отъ собственного имени, и в Посольскомъ приказѣ заведены особы «книги, а въ нихъ писаны ссылки царскаго величества шурина с иностранными правительствами. Эти приговоры превратили Бориса в регента государства. А сложный этикетъ, введенный им при обшественномъ «дворѣ», и окончательно закрѣпившій за нимъ исключительное правительственное положеніе. Иностранцы послы, рѣзавшіе въ Москву, представлялись Борису съ большою оржественностью. Церемонія нѣхъ встрѣчи на Борисовомъ дворѣ, представленія Борису, отпуска и послышки отъ Бориса «кормовъ» осламъ была точною копіею царскихъ приемовъ. Борису «являли» ословъ его люди: встрѣчалъ на лѣтвицѣ «дворецкой» Богданъ вавовъ, въ комнату вводилъ «казначей» Дементій Аванасьеви, въ комнату сидѣли «отборные немногие люди въ варядѣ, въ латѣ въ золотномъ и въ чѣшихъ золотыхъ», остальные же гонзи «отъ воротъ по двору по всему, и по крыльцу, и по бѣнямъ и въ передней избѣ». Послы приносили Борису поники и величали его «пресвѣтлѣйшимъ вельможествомъ» и пресвѣтлымъ величествомъ». Самое обращеніе пословъ къ Борису официально разсматривалось какъ челобитіе «съ великимъ прошеніемъ», чтобы онъ ходатайствовалъ у царя о дѣлѣ, дѣло это дѣлалось «по повелѣнію великаго государя, а по приказу царскаго величества шурина». Словомъ, все въ даное время было такъ устроено, чтобы Борисъ былъ истинный носитель власти въ Москвѣ. Последнее десятилѣтіе царствованія Феодора Иоанновича, какимъ образомъ, было временемъ формальнаго правленія Бориса, а не только его придворнаго фавора. Такъ постепенно и твердо овладевалъ Борисъ властью въ государствѣ и такъ укрѣплялъ свое преобладаніе въ правительственной средѣ. «Властодержавное правительство» Бориса было узаконено и оформлено. Въмъ, кто не былъ доволенъ успѣхами «правителя», оставалось лишь негодовать на него п тайно его осуждать. Явная борьба съ нимъ была невозможна: для нея не было законныхъ средствъ. Къ тому же ни у кого не было и силъ для борьбы. Оппорте не могло оправиться отъ опричнины и отъ репрессій 1585 и 1587 годовъ, и Борисъ безраздѣльно «правилъ землею укою великаго государя». Однако, если бы придворное его ляніе было слѣдствіемъ только лонкой интриги и угодищества, сли бы оно не опиралось на большой правительственный талантъ, оно не было бы такъ глубоко и прочно. Но, безъ со-

мнѣнія, Борисъ обладалъ крупнымъ политическимъ умомъ и превосходилъ личными своими качествами всѣхъ своихъ соперниковъ. Его ума не отрицали даже его враги. У всѣхъ иностранцевъ, писавшихъ въ то время о московскихъ дѣлахъ, мы обыкновенно читаемъ панегирики талантамъ Бориса. Русскіе писатели XVII вѣка въ ихъ отношеніяхъ къ Борису представляютъ любопытнѣйшій предметъ для наблюденій. Они писали свои отзывы о Борисѣ уже тогда, когда въ Архангельскомъ московскомъ соборѣ была поставлена рака съ мощами царевича Дмитрія, и когда правительство Шуйскаго объявило, что царевичъ Дмитрій стяжалъ нездѣшное и даръ чудесъ неповиннымъ своимъ страданіемъ пменно потому, что пріиѣлъ закланіе отъ лукаваго раба своего Бориса Годунова. Власть объявляла Бориса святоубійцею, церковь слала моливы новому страстотерпцу, отъ него пріиѣвшему смерть; могъ ли рискнуть русскій человекъ XVII вѣка усомниться въ томъ, что говорило «житіе» царевича, и что онъ слышалъ въ чинѣ службы новому чудотворцу? Но житіа царевича Дмитрія происходятъ изъ новѣсти о времени Бориса Годунова и первого самозванца, политическаго памфлета, составленнаго въ 1606 г. преданнымъ Шуйскому авторомъ. Знаменательнѣе и важнѣе для историка двѣ особенности въ изложеніи дѣла Бориса независимыми и самостоятельными русскими писателями XVII вѣка: во-первыхъ, они все неохотно и очень осторожно говорятъ объ участіи Бориса въ умерщвленіи царевича Дмитрія, а, во-вторыхъ, они все славятъ Бориса какъ человека и правителя. Характеристика Бориса у нихъ строится обыкновенно по красивой анти-тезѣ добродѣтелей Бориса, создающихъ счастье и покой Русской земли, и его роковой страсти властолюбія, обращающей погибель на главу его и его ближнихъ. Притомъ сказаніа, осуждающія Бориса, не умѣютъ согласно передать обстоятельство убійства Дмитрія и заключаютъ не мало противорѣчій, а наибольше враждебными и явно клеветническими приписывая Борису злое отравленіе царя Феодора и дочери его Феодосіа. Малая историческая цѣнность житій и прочихъ сказаній объ убійствѣ царевича даетъ намъ право устранить совсѣмъ углицкій эпизодъ 1591 года изъ нашей рѣчи о возвышеніи Бориса. Для наблюдателя, освободившагося отъ привычныхъ, хотя и мало обоснованныхъ взглядовъ на московскія дѣла тѣхъ временъ, совершенно ясно, что въ исторіи Годунова до его воцаренія углицкій происшествія играли очень малую роль. Смерть царевича, законность котораго, какъ сына едва ли не седьмой жены Грознаго, была спорной, не велеть къ какимъ-либо замѣтнымъ шагамъ, не мѣняеть его позиціи, какъ ранѣе существованіе этого государя брата съ его родею не мѣшало Борису добиваться исключительнаго положенія у власти. Пока не пуцень былъ слухъ о томъ, что царевичъ Дмитрій избѣжалъ смерти, кончина его мало кому была памятна. Въ свое время посудили о ней, даже заподозрѣли въ ней руку Бориса, но и предали дѣло забвенію. Не убійствѣ царевича Дмитрія, а болѣзнь и смерть царевны Феодосіи Феодоровны, послѣдовавшая 25 января 1594 года, открыли Борису путь къ престолу. Конецъ династіи сталъ явель, и Годуновъ, наблюдая постепенное угасаніе жизненныхъ силъ «изнемогавшаго» царя, готовился къ неизбежной развязкѣ. Къ этому времени относится любопытное осложненіе этикета при «дворѣ» царскаго шурина. Если не ошибаемся, не поздне 1595 года рядомъ съ именемъ Бориса начинаютъ упоминаться имя его сына, а самъ Феодоръ Борисовичъ показывается какъ дѣйствующее лицо въ

церемоніяхъ. Когда Борисъ посылаетъ подарки шаху, Феодоръ посылаетъ подарокъ шахову сыну. Въ 1597 году Феодоръ Борисовичъ встрѣчаетъ царскаго посла «среди сѣней», даетъ ему руку и ведетъ къ отцу. Въ этомъ приключеніи мальчикъ въ сферу политическихъ отношеній можно видѣть знакъ тонкой предусмотрительности Годунова: задолго до воцаренія онъ уже намѣренъ былъ видѣть въ сынѣ преемника своего положенія и власти, возможнаго продолжателя «царскаго корня». Годунову открывался путь къ престолу: надобно было идти по этому пути твердо и увѣренно, не допуская никого опередить себя. А между тѣмъ были люди, которымъ воцареніе Бориса не могло быть приятно, и они, съ своей стороны, принимали мѣры. Есть свѣдѣнія, что московскіе вельможи уже въ концѣ 1593 года обсуждали потихоньку планъ возведенія на престолъ австрійскаго эрцгерцога Максимилиана. Но Москва—въ тишинѣ ожидала развязки необычнаго положенія. Всѣмъ было понятно, что послѣ смерти царя за его вдовою, царицею Приною, должны были сохраниться права на власть, и никто не зналъ, пожеласть ли она или воспользоваться, или нѣтъ. Съ другой стороны, въ послѣдніе годы царствованія Феодора Борисъ такъ хорошо владѣлъ положеніемъ, что ни для кого не оставалось возможности открытаго съ нимъ состязанія.

Въ Крещеніе въ вечеръ 1598 года царь скончался. На всѣхъ государствахъ его царствія осталась государынею его супруга Прина Феодоровна, которой тотчасъ же весь «царскій свитъ», съ ся братомъ правителемъ Борисомъ во главѣ, принесли присягу въ присутствіи патріарха. Но Прина, мучимая сознаніемъ, что ею одною «царскій корень» кончить пріять», не пожелала остаться на престолѣ и ушла въ монастырь. Въ Москвѣ открылось междуцарствіе, и началось исканіе царя. Официальное обсужденіе вопроса было отложено до «сорочить» по успѣшнѣ царѣ. До тѣхъ же поръ въ государствѣ сохранялся временный порядокъ управленія, свидѣтельствующій о томъ, что и въ безгосударное время Москва могла быть крѣпка дисциплиною.

По смерти царя немедленно закрыли границы государства, никого чрезъ нихъ не выпуская и не выпуская. Не только на большіхъ дорогахъ, но и на тропинкахъ поставили стражу, опасаясь, чтобы никто не вывезъ вѣстей изъ Московскаго государства въ Литву и къ иѣмцамъ. Избраніе царя должно было совершиться не только безъ посторонняго участія и вліянія, но и втайнѣ отъ постороннихъ глазъ.

Врядъ ли кто изъ серьезныхъ писателей рѣшится теперь повторять, по поводу избранія Годунова въ царя, старыя обвиненія, столь горячо обращенныя на самого Бориса и на патріарха Іова прежними историками. Можно считать окончательно оставленнымъ прежній взглядъ на царское избраніе 1598 г., какъ на грубую комедію, и на земскій соборъ, избравшій Бориса, какъ на шутку въ рукахъ лукаваго правителя. Послѣ извѣстнаго изслѣдованія В. О. Ключевскаго не остается сомнѣнія въ томъ, что составъ земскаго собора 1598 года былъ формаленъ и правиленъ. Соборъ составленъ былъ такъ, какъ указывала традиція, по тому типу, какой былъ данъ соборомъ 1566 года, съ значительной полнотою представительства, но «представительства по служебному положенію, а не по общественному довѣрію»: масса представителей явилась на соборѣ въ силу своего должностнаго положенія во главѣ служебныхъ или торгово-промышленныхъ организацій. Подобное представительное собраніе—какъ бы мало, но нашъ взглядъ, оно ни отражало дѣйствительное настроеніе общества—все-таки признавалось законнымъ выразителемъ общественныхъ настроеній и

мнѣній. Если мы удостоверимся въ томъ, что соборъ 1598 года сознательно и свободно высказался въ пользу избранія именно Бориса, мы должны будемъ считать его возведеніе на престолъ законнымъ и правильнымъ актомъ народной воли. Съ формальной стороны именно такъ и было. Соборъ, въ нормальномъ составѣ, руководимый патріархомъ, единогласно нарекъ Годунова царемъ и многократными просьбами и настояніями вынудилъ его принять избраніе. Оставаясь при новомъ царѣ въ теченіе весны и лѣта 1598 года, сопровождая его въ походѣ противъ татаръ къ Серпухову, соборъ закончилъ свою дѣятельность утвержденіемъ избирательной грамоты 1-го августа, въ которой соборное избраніе опять-таки представлено было единодушнымъ и единогласнымъ. Почти 500 подписей, находящихся на этой грамотѣ, свидѣлствуютъ намъ, что грамота эта была не своевольною поддѣлкою «лукавыхъ рачителей» Бориса, а дѣйствительнымъ актомъ правильной соборной дѣятельности. Нѣтъ возможности сомнѣваться, что официальная сторона царскаго избранія была обставлена такими формальностями, которые обезпечивали избранію непрерываемую законность. Частныя московскія извѣстія также говорятъ о томъ, что Борисъ былъ избранъ единодушно, съ одной стороны, потому, что народъ видѣлъ его разумное правленіе, а съ другой, потому, что онъ умѣлъ устроить свое избраніе, однихъ ульстивъ, другихъ подкупивъ, третьихъ застрашавъ. Извѣстія иностранцыя—польскія и нѣмецкія по преимуществу—даютъ, однако, интересныя свѣдѣнія о происходившей избирательной борьбѣ. Главными противниками Годунова были Романовы и Богданъ Бѣльскій. Последній мало имѣлъ значенія, и борьба за престолъ шла, главнымъ образомъ, между Борисомъ Годуновымъ и Феодоромъ Никитичемъ Романовымъ. Романовы стояли высоко и твердо въ средѣ московскихъ бояръ сплоченною и многочисленною семьей, вокругъ которой собралось много другихъ близкихъ по родству и свойству семей. Въ качествѣ давней государевой родни, они должны были считать себя ближе къ престолу и династіи, чѣмъ Годуновы, недавно породнившіеся съ царскою семьей. Когда начались въ Москвѣ разговоры о томъ, кому суждено наследовать царское достоинство, противопоставленіе Романовыхъ и Годуновыхъ стало неизбежно и должно было вести къ разрыву старой дружбы. Опора Романовыхъ была въ придворной знати, и потому самый составъ собора 1598 г., на который прошла въ большомъ числѣ московская знать, чуждая и враждебная Борису, и въ незначительномъ количествѣ—тѣ средніе слои общества, въ которыхъ Борисъ былъ популяренъ, слѣдуетъ, разсуждая отвлеченно, признавать мало благоприятнымъ для Бориса и во всякомъ случаѣ менѣе благоприятнымъ, чѣмъ для Романовыхъ. И если соборъ отдалъ вѣнецъ Борису—то потому, что былъ приведенъ къ убѣжденію въ необходимости такъ поступить.

Но борьба за престолъ велась не только въ первыя недѣли послѣ кончины Феодора, но и въ продолженіе всей весны 1598 г., уже послѣ того, какъ Борисъ былъ нареченъ царемъ. Когда не удалось направить выборы земскаго собора на другое лицо, помимо Годунова, противники Бориса вспомнили о существованіи бывшаго когда-то во власти «свакаго князя всея Руси» Симеона Бекбулатовича, «земскаго» правителя во время опричнины, и выдвинули его имя противъ Бориса. Последствиемъ этой интриги была поява редакція присяги на вѣрность Борису: въ текстѣ ея было вставлено обязательство не хотѣть на царство «царя» Симеона Бекбулатовича. Опасеніе было другое орудіе агитаціи противъ Годунова: попытка обви-

нить его въ смерти царевича Дмитрія. Въ 1598 году появился разсказъ, совершенно невѣроятный по фактѣ, но очень важный для характеристики мнпугу, обвинившій Бориса въ томъ, что онъ измѣною убилъ Дмитрія, а великаго князя отравилъ, желая самъ сдѣлаться великимъ княземъ. Въ спорѣ изъ-за этихъ обвиненій, Феодоръ Романовъ будто бы бросился на Годунова съ пожомъ, но его не допустили. Тотъ же разсказъ обвинилъ Бориса въ намѣреніи, если его не изберутъ въ царя, выдать за Дмитрія какого-то своего друга, во всемъ очень похожаго на Дмитрія.

Значитъ, еще Борисъ не сталъ царемъ, а идея самозванства уже бродила въ умахъ, и на Бориса падало обвиненіе въ смерти царя Феодора и его брата царевича. Въ разсказѣ о Дмитріи Годунову отводится самая черная роль, и, наоборотъ, Феодоръ Никитичъ выступаетъ въ качествѣ благороднаго испителя. Это намекаетъ намъ, въ чью пользу составленъ былъ разсказъ, и съ какою цѣлью онъ распространялся.

Понятно, что, вступая на престолъ при такихъ обстоятельствахъ, Борисъ такъ дорожилъ торжественною формальностью при своемъ избраніи и въ началѣ на царство, пышнымъ текстомъ избирательной грамоты, мелочною предусмотрительностью текста присяги, который кончался фразой, обрѣкавшей проклятію всякаго, кто преступилъ бы вѣрность царю Борису. Требуя звуковъ вѣрности отъ своихъ новыхъ подданныхъ, царь Борисъ, кажется, и съ своей стороны далъ имъ нѣкоторые обещанія. Въ XVII вѣкѣ жили неопредѣленные объ этомъ воспоминанія, которыхъ пока нельзя ни отвергнуть, ни разписать. Такъ, разсказывали, что, «какъ-де Бориса выбирали на Московское государство, и онъ-де въ тѣ поры передъ вѣмъ народомъ князю, что ему другу не дружить, а недругу не мститъ». Не простое подозрительностью и мелочностью вызваны были все эти предосторожности, но условіями воцаренія Бориса. Новый царь, вступая на царство, зналъ, что не все одинаково желаютъ ему повиноваться.

Если же Борисъ достигъ престола при такихъ условіяхъ, то причина должна лежать въ такихъ чертахъ его дѣятельности, которыя подкупали въ его пользу общественное мнѣніе. И, дѣйствительно, роль, выпавшая на долю Бориса въ государствѣ, была чрезвычайно трудна, но симпатична. Судьбы страны пошлн въ его распоряженіе въ ту мнпугу, когда правительство должно было признать, что Московское государство и общество переживаютъ тяжелый кризисъ. Надобно было умиротворить страну, потрясенную полвтикою Грознаго и экономическимъ разстройствомъ, возстановить земледѣльческую культуру въ опустѣвшемъ цвѣтрѣ, устроить служилый людъ на его обезлюдѣвшихъ хозяйствахъ, облегчить податное бремя для платящей массы, смягчить общественное недовольство и вражду между различными слоями населенія. Въ такомъ направленіи и дѣйствуетъ Борисъ. При немъ правительство стремится усвоить болѣе мягкіе приемы дѣйствія и обращенія. Самъ правитель Годуновъ хвалится тѣмъ, что водворилъ вездѣ порядокъ и правосудіе, что «строшеніе его въ землѣ таково, каково нѣкогда не бывало: никто большой, ни сильный никакого человека, ни худого сиротки не избодитъ». Разумѣется, это риторика; но очень знаменательно, послѣ оргій Грознаго, что правитель вмѣняетъ въ честь и заслугу себѣ гуманность и справедливость; привѣтливость, мягкость и любезность Бориса въ личномъ обращеніи засвидѣтельствованы многими современниками. Особенно характеристиченъ для него одинъ жестъ, обратившійся у него въ привычку,—братья за жемчужный воротъ рубашки

и говорить, что и эту послѣднюю готовъ онъ подѣляться съ тѣмъ, кто въ нуждѣ и бѣдѣ. При своемъ вступленіи на царство, Борисъ въ порывѣ чувства и, очевидно, неожиданно для всехъ вспомнилъ свой обычай: схватился за «сверхъ срачицы» и сказалъ патриарху, что онъ «и сію послѣднюю раздѣлитъ со всѣми». И можно думать, что «свѣтлодушіе» и обходительность Бориса не были только лукавою личною. И какъ правитель, и какъ царь, онъ много поработалъ для бѣдныхъ и обиженныхъ. Опъ широко благотворилъ, заботился о правосудіи, защищалъ слабыхъ, искоренялъ произволъ и безпорядокъ. Въ грамотахъ Борисова времени ярко выступаетъ его стремленіе къ облегченію народныхъ тяготъ. Особенно ясно сказалось оно при воцареніи Бориса, когда онъ служилымъ людямъ «на одинъ годъ вдругъ три жалованья велѣтъ дать», а съ земли со всей пикакихъ податей брать не велѣтъ, и гостямъ и торговымъ людямъ всего Россійскаго государства въ торгахъ повольность учинилъ. Трудно, конечно, рыпать, гдѣ въ подобныхъ мѣрахъ кончалась искренняя и серьезная забота о народномъ благѣ, и гдѣ начиналась погоня Бориса за личнымъ успѣхомъ. Но не поддежить спору, что подъ управленіемъ Бориса, по согласному мнѣнію современниковъ, страна испытала дѣйствительное облегченіе. Русскіе писатели говорятъ, что въ правленіе царей Феодора и Бориса Богъ «благополучно время подаде»: московскіе люди «начаша отъ скорби бывшія утѣшатися и тихо и безмятежно жити», «свѣтло и радостно ликующе», «и всѣми благими Россія цвѣтише». Иностранцы наблюдатели также отмѣчаютъ, что положеніе Московіи при Борисѣ улучшалось, населеніе успокаивалось и прибывало, унашная при Грозномъ торговля расширялась и росла. Страна отдыхала отъ войнъ и жестокостей Грознаго и чувствовала, что правительственный режимъ круто измѣнился къ лучшему.

Однако, положеніе дѣлъ было такъ сложно и залувано, что его нельзя было привести въ порядокъ одию кротостью и щедростью. Слпшкомъ далеко разошлись интересы разныхъ общественныхъ группъ, слишкомъ большая вражда легла между ними. Крупный и льготный земледѣлецъ, монахъ-земледелецъ, средній и мелкій разоренный помещикъ, застарѣвшій на частной землѣ крестьянинъ, гулящій человекъ, козакующій на полѣ,—все это взаимные недруги, которыхъ нельзя ни помирить, ни одновременно удовлетворить. Тройное жалованье одиплъ возвращеніе льготъ и тархановъ другимъ. прощеніе недовольствъ и дапей третьимъ — это очень важныя, но не коренныя мѣры: онѣ облегчали, но не исправляли положеніе, не уничтожали вражды. И самъ Борисъ долженъ былъ понимать, что правительство не можетъ угодить всѣмъ одинаково. Для достиженія собственныхъ цѣлей, для поддержанія порядка въ странѣ и для сохраненія бѣзвнхъ своихъ средствъ оно должно было, не сливая своего интереса съ интересами одной какой-либо общественной группы, поддерживать каждую изъ нихъ, когда ея стремленія совпадали съ правительственными, и, напротивъ, бороться съ ними, когда ихъ желанія не соответствовали правительственнымъ.

Какъ ни велико было желаніе Бориса завладѣть народнымъ расположеніемъ, все-таки положеніе, въ какое онъ поставилъ себя по отношенію къ различнымъ слоямъ общества, далеко не всегда бывало приемлемымъ. Прежде всего въ отношеніяхъ къ княжеской знати онъ оставилъ въ силѣ и дѣйствителю систему Грознаго, которая была направлена противъ княжатъ, и которую мы въ просторѣчи зовемъ ея первоначальнымъ именемъ опричнины. Въ этомъ отношеніи Годуновъ оказался вѣрнымъ ученикомъ Грознаго и, продолжалъ отстраивать отъ князей

«великородныхъ» людей, давалъ ходъ «худороднымъ». Идея опричнины не умерла съ ея творцомъ. Если правительство Годунова не наследовало отъ Грознаго его ужасающей жестокости, то сохранило его подозрительное недоверіе къ обломкамъ старинной родовой аристократіи и держалось его обычая выбирать совѣтниковъ не по породѣ.

И въ земельной политикѣ Борисъ сталъ на сторону простого служилого люда, который служилъ съ мелкихъ вотчинъ и помѣстій и составлялъ основную силу московской арміи. Главный хозяйственный интересъ этого общественного слоя состоялъ въ томъ, чтобы удержать за собою свои земли, а на земляхъ—рабочее населеніе. Земли уходили, главнымъ образомъ, за монастыри; рабочихъ переизывали тѣ же монастыри и представители льготнаго «боярскаго» землевладѣнія; наконецъ, рабочее населеніе и само умѣло ухаживать за новыми землями. Изъ двухъ заботъ—о земляхъ и о рабочихъ людяхъ—правительство Бориса на первое мѣсто ставило заботу о людяхъ. Стремясь задержать и усадить населеніе на частныхъ земляхъ и, въ особенности, на земляхъ простого служилого люда, правительство не отступало передъ мѣрами, направленными какъ противъ крупныхъ землевладѣльцевъ, такъ и противъ самого рабочаго населенія. Указами 1601 и 1602 года оно запретило крупнымъ земельнымъ собственникамъ «крестьянскую возку», то-есть перевозъ крестьянъ съ земель на земли, не запретивъ этого безусловно простымъ землевладѣльцамъ. Съ другой стороны, оно затруднило крестьянскій выходъ уже тѣмъ, что приняло за правило, особенно послѣ писцовыхъ книгъ «101 года» (т.-е. 1592—1593), считать старожильцами, лишеными права перехода, всѣхъ тѣхъ крестьянъ, которые были записаны въ книгахъ на тяглыхъ жеребьяхъ. Итакъ, будучи поставленъ между разнородными и взаимно противорѣчащими интересами различныхъ общественныхъ слоевъ, Борисъ достаточно опредѣленно сталъ на сторону общественной середины. Къ старой знати онъ питалъ неприязнь, наследованную отъ Грознаго и выросшую на почвѣ политической. Интересы трудовой массы онъ приносилъ въ жертву государственнымъ пользамъ, которыя отождествлялись съ интересами служилыхъ землевладѣльцевъ. Заботясь о поддержаніи хозяйства на служилыхъ земляхъ, онъ оказывалъ поддержку низшимъ разрядамъ помѣстнаго служилого класса. Прощая дань и давая «повольность въ торгѣхъ», онъ всего болѣе покровительствовалъ высшимъ слоямъ тяглаго населенія, державшимъ въ своихъ рукахъ городскую торговлю и промыселъ. Въ этихъ среднихъ классахъ и слѣдуетъ искать сторонниковъ и поклонниковъ Бориса. Если бы въ общемъ строе московской жизни средніе классы занимали господствующее положеніе, политика Бориса опиралась бы на прочное основаніе. Но при жизни Бориса средніе слои общества еще не владѣли положеніемъ. Послѣдующія событія показали, что расположеніе мелкаго свободнаго люда не спасло Борисова династіи отъ крушенія, когда на нее встали верхъ и низъ общества: старая знать—но политическая неприязнь и крѣпостная масса—по недовольству всѣмъ общественнымъ порядкомъ.

Первые два года своего царствованія Борисъ, по общему отзыву, былъ образцовымъ правителемъ, и страна продолжала оправляться отъ своего упадка. Но далѣе пошло иначе: поднялись на Русь и на царя Бориса тяжелыя бѣды. Въ 1601 году начался беспословный голодъ, вслѣдствіе сильнаго неурожая. Чтобы облегчить положеніе голодавшихъ, Борисъ объявлялъ даровую раздачу въ Москвѣ денегъ и хлѣба, но эта благая по цѣли мѣра принесла вредъ: надѣясь на даровое пропитаніе, въ Москву

шли толпы народа, даже и такого, который могъ бы съ грѣхомъ пополамъ прокормиться и дома; въ Москвѣ царской милостыни не хватало, и много народу умерло. Къ тому же и милостыню подавали недобросовѣстно: тѣ, кто раздавалъ деньги и хлѣбъ, ухитрялись раздавать своимъ друзьямъ и родственникамъ, а народу приходилось оставаться голоднымъ. Открылись эпидеміи, и въ одной Москвѣ, говорятъ, погибло народу болѣе 127 тыс. Урожай 1604 года прекратилъ голодъ, но продолжалось другое зло. Въ голодные годы толпы народа для спасенія себя отъ смерти составляли шайки и разбоємъ доставляли себѣ пропитаніе. Главную роль играли выгнанные своими господами во время Голода холопы. Борисъ приказывалъ такимъ холопамъ выдавать отпускавья, освобождая ихъ отъ холопства, но это не помогало, потому что и въ свободномъ состояніи они не могли пугдѣ пристроиться. Ни одна область Руси не была свободна отъ разбойничковъ.

Съ 1601 года замутился и политическій горизонтъ. Еще въ 1600 или 1601 году явился слухъ, что царевичъ Димитрій живъ. Всѣ историкѣ болѣе или менѣе согласились въ томъ, что въ дѣлѣ появленія Самозванца активную роль сыграло московское боярство, враждебное Борису. Есть извѣстіе, что Борисъ прямо въ лицо обвинялъ бояръ, что это ихъ рукъ дѣло. Въ соединеніи съ этими извѣстіями получаетъ цѣну и указаніе лѣтописцевъ на то, что Григорій Отрепьевъ жилъ во дворѣ у Романовыхъ и Черкасскихъ, а также и разсказъ о томъ, что Вас. Ив. Шуйскій впоследствіи прямо говорилъ, что призналъ Самозванца только для того, чтобы избавиться отъ Бориса. Возможно понимать дѣло такъ, что въ лицѣ Самозванца московское боярство еще разъ попробовало напасть на Бориса, и видѣть въ этомъ дѣлѣ продолженіе избирательной борьбы 1598 г. Эта возможность представляется еще вѣрнѣе отъ того, что первые слухи о появленіи Самозванца народились въ Москвѣ какъ-разъ въ пору розыска о Романовыхъ, которыхъ обвиняли въ стремленіи себѣ «достать царство». Въ 1601 г. всѣ Романовы, пять братьевъ Никитичей, были сосланы со своими семьями въ разные мѣста. Вместе съ ними были сосланы и ихъ родственники: князья Черкасскіе, Сятскіе, Шестуновы, Рѣпнины, Карповы. Немногимъ рабѣ опала постигла Б. Бѣльскаго. Устрашая этихъ бояръ, Борисъ избавлялъ отъ тѣхъ, въ комъ долженъ былъ видѣть не только недоброжелательство его царству, но и соперниковъ, притязавшихъ на его власть. Сора и разрывъ съ Романовыми и ихъ родней поставилъ Бориса въ опасное положеніе тѣмъ, что лишили его партіи въ боярствѣ. Годуновы стали одиоки и потому слабы. Старая княжеская власть не призвала ихъ за своихъ, потому что придворная и чиновная карьера Годуновскаго рода создана была опричинскими порядкамъ московскаго дворца, направленными на гибель этой старой знати. Придворная же знать новѣйшей формации, въ которой первенствовалъ родъ «Никитичей» Романовыхъ, и съ которой былъ друженъ правитель Годуновъ, отшатнулась отъ него, когда онъ овладѣлъ престоломъ. Романовы, очевидно, не мирились съ воцареніемъ Бориса и увлекали за собою въ оппозицію и другія семьи. Въ вѣдрахъ этой оппозиціи, по всей видимости, зрѣла и мысль о Самозванцѣ. Не князья «великой породы» заодозрѣли Бориса въ самозванческой интригѣ,—Шуйскихъ, Голицыныхъ, Мстиславскаго онъ не задумался поставить во главѣ войскъ противъ Самозванца,—а другой слой боярства, очевидно, тотъ самый, который опъ подвергъ опалѣ и ссылѣ въ 1600—1601 годахъ. Преслѣдуя своихъ бывшихъ друзей, Борисъ разгромилъ боярскій кружокъ, къ которому самъ когда-то принадлежалъ, и остался въ сущности

Ὅχι ἀφῆνεν ἄνωγ', ἕως ἤνευκεν ἀπὸ σκήπτρου βασιλείας
 Ἡ Θεοσύνη τυραννούντων αὐτῶν· ψευδέας δὲ ἴδειε ὅτι ἡ-
 μη σαμάρηται ἄνωγ', ἢ ἔδωκεν αὐτῶν δόξου αἰώνιον. 608.
*Admiratione uirtutis, quam Deus in luce populorum posuit,
 Scalpsit Lucas Kilianus Augustae Vind. An. MDCVI*

ДЖЕДИМІТРИЙ I.

Современный портретъ работы Луки Киліана. Гравированъ въ 1606 году.

